

И.— лауреат премии «Лит. России» 1990 и 1991, премии им. Ф. И. Тютчева (2002). Живет в Москве.

Соч.: На высоком холме. М., 1981; Любовью живы. М., 1986; Утро памяти. М., 1988; Красный вечер. М., 1991; Берега. М., 1991; Долгий день. Тверь, 1999; Кресты и ласточки. М., 2000; Стихотворения. Русская поэзия. XX в. Антология / под ред. В. А. Кострова, Г. Н. Красникова. М., 1999; 2-е изд. 2001; Знаменитые и известные бежечане. От Алексея Аракчеева до Алексея Смирнова. Вып. 1. М., 2003; Вып. 2. М., 2003.

Лит.: Болдырев Ю. Гражданственность — талант нелегкий // Лит. учеба. 1982. № 1; Тер-Маркарян А. А. Девятый вал прошел... [Беседа с писателем] // Лит. Россия. 1996. 23 февр.; Казначеев С. М. Мы пришли в этот храм зарыдать: Проблема веры в современной русской поэзии // Лит. учеба. 2003. № 2.

Л. С. Калюжная

ИВАНОВ Георгий Владимирович [29.10 (10.11).1894, Пуки Тельшевского у. Ковенской губ.— 26.8.1958, Иер, департамент Вар, Франция; 23.11.1963 перезахоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем] — поэт, мемуарист, прозаик, критик.

Предки И. по отцовской и материнской линии — военные, и сам он сначала воспитывался в Ярославском кадетском корпусе (с авг. 1905), а затем (с янв. 1907) во 2-м кадетском корпусе Петербурга. Но не окончил его, дважды оставаясь на 2-й год и уйдя из 5-го класса в окт. 1911. В это время И. уже всецело посвятил себя поэзии, знаком с М. А. Кузминым, А. А. Блоком, в дневнике которого 18 нояб. 1911 записано: «...днем пришел Георгий Иванов (бросил корпус, дружит со Скалдиным, готовится к экзамену на аттестат зрелости, чтобы поступить в университет), я уже мог сказать ему <...> о Платоне, о стихотворении Тютчева, о надежде (так, что он ушел другой, чем пришел)» (Блок А. СС: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 93). Блок на всю лит. жизнь И. остался его поэтическим «сверх-я», хотя школу он прошел акмеистическую и его мэтром в молодые годы был Н. С. Гумилев.

Печататься И. начал рано, в 1910–11, в студенческих ж. «Кадет-михайловец», «Gaudeamus» и др. Первая книга И. «Отплыть на о. Цитеру» «...целиком написана за школьной партией „роты его Величества“ <...> Вышла осенью 1911 года в 200 экз. <...> Через месяц после посылки этой книжки в „Аполлон“ — получил звание члена „Цеха поэтов“, заочно мне присужденное. Вскоре

Г. В. Иванов

появились очень лестные отзывы Гумилева в „Аполлоне“ и Брюсова в „Русской мысли“. И я легко и без усилий нырнул в самую гущу литературы, хотя был до черта снобичен и глуп» (Письмо Маркову от 7 мая 1957). Помимо «лестности» проявилось в оценках обоих поэтов и нечто более существенное: И. «...находится под явным влиянием своих предшественников (особенно М. Кузмина)» (Брюсов В. // Русская мысль. 1912. № 7); «...в отношении тем Георгий Иванов всецело под влиянием М. Кузмина» (Гумилев Н. // Аполлон. 1912. № 5). Правда, и «лестные» части обеих рецензий схожи: более сдержанная у Брюсова («Он умеет выдержать стиль») и «очень лестная» у Гумилева («Первое, что обращает на себя внимание в книге Георгия Иванова,— это стих. Редко у начинающих поэтов он бывает таким утонченным, то стремительным и быстрым, чаще только замедленным, всегда в соответствии с темой»).

В лит. кругах, близких к Гумилеву, И. получает известность как «арбитр вкуса». Естествен уход И. из группы эгофутуристов (Северянин, Олимпов, Грааль Арельский), в изд-ве которых «Его» был выпущен его первый сб.

Второй сб. «Горница» выходит в акмеистическом «Гиперборее» (1914). Он пронизан смутной тревогой молодого человека, попавшего на «пир богов», но не уяснившего вполне, каким образом и зачем он там ока-

зался. Третий сб. «Памятник Славы» (1915) вышел в изд-ве суворинского ж. «Лукоморье». Пройдя суровую школу версификаторства в 1-м «Цехе поэтов» (в него входили 24–26 поэтов, в т. ч. все акмеисты), в 1914–15 И. принял за соч. в «русском стиле». Тягой к лубочной народности в годы Первой мировой войны отмечены были, конечно, не только стихи И. «Русский стиль» у поэтов Серебряного века в большей степени носил черты экзальтированной самовозбужденности, чем откровения. Характерно, что И., «словчив», избежал фронта, вместо армейского полка был прикомандирован к министерской канцелярии.

С декадентским произволом связана и стилизация всей жизни И. как художника. То, что может показаться и выдается за «биографический элемент» в ранних текстах И., всегда носит несколько романтический характер. Кристаллизовалась эта тенденция в поздней «мемуарной прозе» — «Китайских тенях» и «Петербургских зимах», но заметна с первых лит. шагов. Биография автора сознательно размывается, дабы живописнее глядело «лицо поэта». В ранних стихах И. оно выступает как бы из живописной рамы: из шотландских туманов, из кружев Ватто, из «галантного» XVIII в. Ради того чтобы «быть поэтом», И. готов пренебречь всем, в т. ч. и ун-том, ради которого вроде бы ушел из корпуса. «Когда же я стану поэтом / Настолько, чтоб все презирать?..» — этот вопрос казался праздным И. довольно долго. Обоснование этого «презрения» виделось в том, что роль поэта — «высшая в мире».

Активно сотрудничая в акмеистических ж. «Аполлон» и «Гиперборей», И. правоверным акмеистом все же не был. Например, в 1914 участвовал в собрании «Общества поэтов» Н. В. Недоброво — Е. Г. Лисенкова, противостоящих «Цеху» и акмеистам. Это не мешает ему в 1916–17 возглавить вместе с Г. В. Адамовичем 2-й «Цех поэтов», объединивший «постакмеистическую молодежь», а в «Аполлоне» получить должность «заместителя Гумилева», ушедшего на войну.

В 1916 появляется сб. И. «Вереск», на титуле которого значится: «Вторая книга стихов». Вкус диктует автору две из трех вышедших книг («Горница» и «Памятник Славы») считать «не имевшими места». На «Вереск» В. Ф. Ходасевич написал провидческую рецензию, завершающуюся словами: «...поэтом он станет вряд ли. Разве только если случится с ним какая-нибудь большая житейская катастрофа, добрая встряска, вроде большого и настоящего горя, несчастья. Соб-

ственно только этого и надо ему пожелать» (Утро России. М., 1916. 7 мая). «Добрая встряска» вскоре последовала (Октябрьский переворот 1917) не для одного И. — для всей русской культуры, в особенности же для культуры Серебряного века, которая к 1922 практически оказалась развешанной, погребенной. И все-таки в «Вереске» воображение автора уже свободно и стихотворный узор чеканен, хотя само по себе лирическое «я» поэта все еще укрыто от хаоса и абсурда жизни, надежно защищено отменным вкусом и иронией: «Мы скучали зимой, влюблялись весною. / Играли в теннис мы жарким летом... / Теперь летим под медной луною. / И осень правит кабриолетом».

Отстраненность от действительности ради поэзии, ставка на долговечность поэтического слова некоторое время после большевистского переворота помогали И. сохранить эстетическую корректность. В этом отношении первый вышедший в советское время сб. И. «Сады» (1921) — изящная книжечка, оформленная М. В. Добужинским, — своего рода шедевр лирического герметизма, рекордная для русской поэзии демонстрация отключенности от презренной реальности: «Сходила ночь, блаженна и легка. / И сумрак розовый сгущался в синий, / И мне казалось, надпись полатыни / Сейчас украсит эти облака».

А. Блок написал о поэзии И., что, слушая такие стихи, «...можно вдруг заплакать — не о стихах, не об авторе их, а о нашем бессилии, о том, что есть такие страшные стихи ни о чем, не обделенные ничем — ни талантом, ни умом, ни вкусом, и вместе с тем — как будто нет этих стихов, они обделены всем...» (Т. 6. С. 337). В этой проникновенной реплике не учтено одно: и «обделенность» может стать формой существования, и даже больше того — «обделенность всем» есть одно из экзистенциальных русских переживаний. Как доказал опыт позднего И., из «обделенности» извлекается пронзительная лирическая нота, «новый трепет». Когда становится ясно, что ничего, кроме писания стихов, в жизни нет, что высокая беспомощность составляет все ее содержание, у И. наступает момент просветленного отчаяния, происходит «вочеловечивание» его лирического «я». С изданием в Париже сб. «Розы» (1931) он превращается в «королевича» русских поэтов — по отзывам эмигрантских ценителей. «Вспомним „Розы“, — пишет Юрий Терапиано, — лучшую книгу во всей вообще русской поэзии тридцатых годов» (Терапиано Ю. — С. 148).

После смерти А. Блока и гибели Н. Гумилева всякая лит. деятельность в Петрограде

потеряла для И. смысл. И хотя его положение в послереволюционные годы было сравнительно не самым плохим (он продолжал печататься, зарабатывал переводами, являлся одним из организаторов 3-го «Цеха поэтов», секретарем Союза поэтов), И. ищет пути на Запад — сначала собираясь «оптировать» литовское гражданство. Наконец, отдав последний долг Серебряному веку изданием «Посмертных стихов» Н. Гумилева (1922), поэт получает «командировку» в Берлин «для составления репертуара государственных театров» (параллельно через Латвию уезжает в Европу его вторая — с сент. 1921 — жена, поэтесса Ирина Одоевцева). Счастливого бегство оборачивается горестной темой его лирики: «Что-то сбудется, что-то не сбудется. / Перемелется все, позабудется... / Но останется эта вот, рыжая, / У заборной калитки трава. / Если плещется где-то Невы, / Если к ней долетают слова — / Это вам говорю из Парижа я / То, что сам понимаю едва» (1949).

По слову А. Ахматовой, уезжая в эмиграцию, каждый уносит с собой свой последний день пребывания на родине. И. превратил этот день в неисчерпаемый поэтический источник: «Творю из пустоты ненужные шедевры». Вокруг него в эмигрантской жизни все казалось ему «не тем»: «Читателей у нас нет,— писал он,— Родины нет, влиять мы ни на что не можем...» Лишь оставленный осенью 1922 за кормой немецкого корабля Петроград годами насылал из тумана живительные образы. «В то же время,— продолжал И.,— самый простодушный из нас „блажен“, „заживо пьет бессмертие“ и не только вправе,— обязан глядеть на мир со „страшной высоты“, как дух на смертных... Ключи страдания и величия России даны эмигрантской литературе...».

Ранние стихи И. тронуты не любовным чувством, но преизбытком любований и легких пристрастий. Поэт блуждал среди «эстетических объектов», заметно пренебрегая живой жизнью. Это пренебрежение вообще характерно для людей Серебряного века. Отвыкание от «живой жизни», незамечание ее — залог обжигающе резких (и поздних) открытий о мимолетных прелестях бытия. Этот романтически горький опыт неизмеримо укрупняет в зрелых стихах И. роль любого задержавшего взгляд пустяка: ветки, муравья, брошенной на тротуар розы... Хороша в мире не стабильность, а как раз эфемерность, ускользающее мгновение: «А что такое вдохновенье? / — Так... Неожиданно, слегка / Сияющее дуновенье / Божественного ветерка».

Основные примеры собственно любовной лирики И. относятся к годам эмиграции

и в этом жанре являют собой изумительные образцы элегической тонкости, «косвенности» в выражении чувства к женщине — и что еще более замечательно — к жене, Ирине Одоевцевой: «Ты не расслышала, а я не повторил. / Был Петербург, апрель, закатный час. / Сиянье, волны, каменные львы... / И ветерок с Невы / Договорил за нас». Встреча с И. Одоевцевой — едва ли не единственное потрясение в жизни И., оказавшееся светлым и прямо отразившееся в стихах.

Г. Адамовичем высказывалась мысль о том, что эмигрантская лит-ра сделала свое дело, оставшись лит-рой христианской. Это несомненно так. Тем более важна здесь оговорка, касающаяся И.: его христианская тема — это не тема грядущего спасения, а тема грядущей, весьма близкой гибели. Не тема рая, но — ада. И сама лит-ра стала для него местом, где, «говоря о рае, дышат адом». Невиннейшее из созданий Божиих — птичка — для поэта вестник загробного ужаса: «Может, и совсем не птичка, а из ада голосок?»

В «Распаде атома» (1938), книге, любимой самим И., его «поэмой в прозе», автор пишет о неизбежной границе, которой XX в. отделил совр. искусство от традиции прошедших веков: художник теперь не вправе утешать зрителя вымышленной красотой и заставлять его проливать слезы над вымышленными судьбами. Совр. поэт — тот, кто, говоря словами Г. Адамовича, ощутил «невозможность поэзии». «Парижская нота», объявленная во Франции Г. Адамовичем новой мерой русских стихов и извлекавшаяся из ивановской лирики *par excellence*, предполагала возврат к первоосновам бытия, что для стихотворцев оказалось задачей хоть и достойной, но несколько метафизической.

После всяческих изысков Серебряного века жизнь в лирике И. эмигрантского периода предстает обескураживающе понятной. Он — первый крупный поэт этой эпохи, играющий на понижение, поэт, которому не страшно дезавуировать саму поэзию, тем более «поэтов выпрепную болтовню», их «красное старанье». Поздняя лирика И. воистину не страшится быть «глуповатой» — настолько ее создатель свободен и умен. На самом деле она, конечно, ничуть не «глуповата», а пленительно, горестно проста.

Из пепла, из ничто рождается шелково нежная, как только что затянущаяся рана, ткань ивановских стихов. Напоминая о боли и скрывая ее, эта лирика как бы оправдывает нашу грешную жизнь и грешную плоть. Именно грешную, а не просто жизнь и не просто плоть. Оправдывает не из гордыни и не по

слабости, но ради того, чтобы дать почувствовать: всякой личности предначертано хоть когда-нибудь, хоть на мгновение ощутить скрытую от глаз и слуха, всегда лишь брезжущую гармонию: «В награду за мои грехи, / Позор и торжество, / Вдруг появляются стихи — / Вот так... Из ничего». Из этого «ничего» И. создал в лирике «все». Г. Адамович писал в год смерти И.: «...постараемся забыть отдельные стихи Георгия Иванова, отдельные его строки, — что остается от них в памяти? Не колеблясь я скажу — свет... — ...тихое, таинственное, немеркнувшее сияние, будто оттуда, сверху, дается <...> человеческому крушению смысл, которого человек сам не в силах был найти...» (Новый ж. Нью-Йорк, 1958. Кн. 52. С. 61–62).

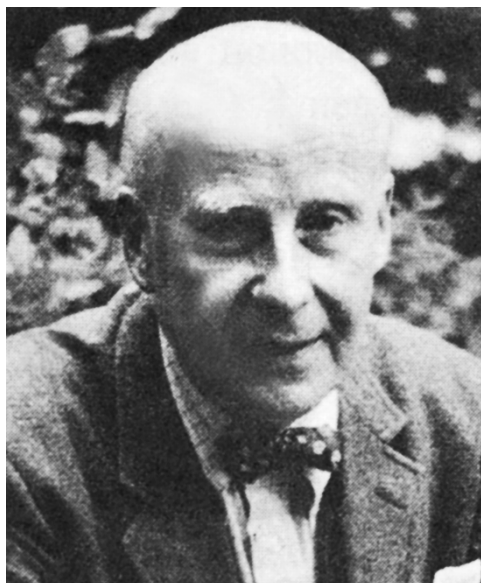
Соч.: СС: в 3 т. М., 1994; Лампада: Собр. стихотворений. Пг., 1922. Кн. 1; Сады. 2-е изд. Берлин, 1922; Вереск. 2-е изд. Берлин; Пг.; М., 1923; Петербургские зимы. Париж, 1928; Отплытие на остров Цитеру: Избр. стихи 1916–1936. Берлин, 1937; Портрет без сходства. Париж, 1950; 1943–1958. Стихи. Нью-Йорк, 1958; Собр. стихотворений. Вюрцбург, 1975; Несобранное. Orange, 1987; Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989; Georgij Ivanov / Irina Odojevceva Briefe an Vladimir Markov. 1955–58; Köln; Weimar, Wien, 1994; Девять писем к Роману Гулю // Звезда. 1999. № 3, 12.

Лит.: Гуль Р. Георгий Иванов // Новый ж. 1955. Кн. 42; Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Опыты. Нью-Йорк, 1957. № 8; Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988; Она же. На берегах Сены. М., 1989; Вейдле В. Георгий Иванов // Континент. 1977. № 11; Берберова Н. Курсив мой. М., 1996; Парнис А., Тименчик Р. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1985; Померанцев К. Георгий Иванов и его поэзия // Континент. 1986. № 49; Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа. Париж; Нью-Йорк, 1987; Гуль Р. Я унес Россию. Нью-Йорк, 1989. Т. 3; Крейд В. Петербургский период Георгия Иванова. Тель-Авив, 1989; Тименчик Р. Г. В. Иванов // Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т. 2; Арьев А. «К несуществующим, но золотым полям...» // Эткиндовские чтения I. СПб., 2003.

А. Ю. Арьев

ИВАСК Юрий Павлович [14(1).9.1907, Москва — 13.2.1986, Амхерст, Массачусетс, США] — поэт, литературовед, эссеист, критик.

Отец — промышленник эстонско-немецкого происхождения (обрусевший), мать — из московского именитого купечества. В 1920 семья переехала в Эстонию, где И. в 1926 окончил русскую гимназию, а в 1932 — юрид. ф-т Юрьевского (Тартуского) ун-та. Будучи студентом, начал публиковать стихи и статьи

Ю. П. Иваск

о лит-ре в эмигрантских журналах. В 1932 побывал в Париже, встречался с Г. Адамовичем и Г. Ивановым, З. Гиппиус и Д. Мережковским; сблизился с М. Цветаевой. «Стихолоб и архивист» — так охарактеризовала она И. и признала его одним из лучших истолкователей ее творчества. И. подружился в Риге с поэтом И. Чинновым и там же в 1943 женился на поэтессе-любительнице Т. Шмелинг, с которой прожил почти 40 лет, до ее смерти.

Война была причиной их переезда в Германию в 1944 со статусом ди-пи (перемещенных лиц). С 1946 по 1949 И. учился на филол. ф-те Гамбургского ун-та.

Прибыв в США в 1949, И. поступил в аспирантуру Гарвардского ун-та, которую окончил весной 1955. Тема его докторской дис. — «Вяземский как литературный критик». Преподавал русскую лит-ру в Гарвардском, Канзасском, Калифорнийском, Вашингтонском (в Сиэтле) и Вандербильтском (в Нэшвилле) ун-тах США. С 1969 стал профессором Массачусетского ун-та в Амхерсте, где он остался жить и после того, как ушел в отставку с почетным званием, до самой смерти.

Цветаевский «стихолоб и архивист» развился с годами в поэта и просветителя. Первая книга стихов «Северный берег» встретила сочувственный отзыв П. Бицилли, сумевшего в молодом поэте увидеть те черты, которые И. развивал и в дальнейшем: «К Баратынскому преимущественно тяготеет вся поэзия Иваска: та же „философическая“ направленность, те же „гамлетовские“ вопросы